

Янка Рам

Соблазн

<https://litres.ru/74214189>

Аннотация

♥# Стеф Державин – молодой и перспективный врач со скандальной репутацией, несносным характером и "волшебными" пальцами. Временно решает поработать массажистом в частной клинике. И в первый же рабочий день ему поступает странное предложение от солидного мужчины – сделать его жене массаж... «с окончанием»... Девушка не в курсе деталей заказа. Это противоречит принципам Стефа, но обстоятельства складываются так, что он соглашается... ♥#Любовь и страсть

♥#Никаких тройничков не будет. ♥#ХЭ

образы героев

Содержание

Пролог - Десять дней спустя или как мы оказались в этой точке?	4
Глава 1 - В отпуск по личным обстоятельствам.	10
Глава 2 – Предложение, от которого нельзя отказаться	17
Глава 3 - Мудрая мысль	27
Глава 4 - Судороги	33
Глава 5 - Как мальчишка	41
Глава 6 - День рождения	46
Глава 7 - Утопия	53
Глава 8 - Таблетка	61
Глава 9 - Так и должно быть?	71
Глава 10 - Мальчик по вызову	83
Глава 11 - Ужас!	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Пролог - Десять дней спустя или как мы оказались в этой точке?

Стеф Державин – молодой и перспективный врач со скандальной репутацией, несносным характером и "волшебными" пальцами. Временно решает поработать массажистом в частной клинике. И в первый же рабочий день ему поступает странное предложение от солидного мужчины – сделать его жене массаж... «с окончанием»... Девушка не в курсе деталей заказа. Это противоречит принципам Стефа, но обстоятельства складываются так, что он соглашается...
 Любовь и страсть
 Никаких тройничков не будет.
 ХЭ

Притормозив напротив дома моей Ягоды. Не могу усидеть на месте. Меня всего подкидывает от того, что скоро её увижу.

Весь извёлся, медитируя на её аккаунт, чуть не переломал себе пальцы, чтобы не писать. Потому что... Ну какой у меня есть повод написать ей, если честно, чтобы она не восприняла это, как подкат от «мальчика по вызову»? Только один – её тачка и обещанный торт.

Быть может, из-за врождённого своего тельцовского упрямства, а может, по какой-то другой причине – оправды-

ваться перед ней и объясняться – не хочу! «Мальчик» так «мальчик».

Но я опять не спал почти всю ночь, сходя с ума от нака-
тывающего возбуждения и преодолевая соблазн написать ей
ночью. Что угодно написать. Просто чтобы ответила, и я по-
чувствовал эту связь между нами.

Моя мантра – «это бесперспективняк» – нихуя больше не
помогает! А это он. Но колотящееся сердце не слышит. И
лёгкие не понимают, что надо дышать глубоко и ровно. Мне
этой ягоды не съесть. Трахнуть – могу. Даже не так... Трахать
могу. Но заебался я так! Не хочу делить. Не умею. Противно.

И понимаю, что не стоит светить фейсом так близко и па-
лить её перед мужем. Но не могу удержаться, выхожу из тач-
ки. Мне глубоко внутри хочется, чтобы эта ситуация стала
явной. А какая ситуация-то? Самое критичное между нами
организовал он сам. А больше ничего и не было. Пара поце-
луев? Пф...

Или, может, Стеф, она тебе чего-то обещала?

Просто украденные силой поцелуи. Вот и вся ситуация!

Нервно протираю ладонями лицо. И мне по-пацански по-
херу сейчас, дома ли её муж, и увидит он нас или нет.

Меня топит в тестостероне. Хочется, как самцу, сорвать-
ся в драку. Выплеснуть напряжение и забрать эту самочку.
Но это так не работает. Цивилизация, чтоб её. Драка идёт не
на кулаках. Она идёт через предлагаемый женщине уровень
жизни и другие плюшки. А если бы Вике были важнее те

плюшки, которые могу давать я, она бы вряд ли была замужем за таким человеком, как Ильницкий. И я опять бешусь! От не востребованности всего того, что горит во мне вхолостую! И вместо того, чтобы очаровывать, мне хочется орать на неё, обвинять и тоже говорить ей гадости.

Стоп... Просто, блять, прими от неё торт. Скажи «спасибо». Всё. И забудь... Забудь нахуй! Это будет правильно.

Ну, наконец-то! Из-за угла выруливает её тачка.

Набираю ей смс: «Карета подана. Выходи».

Сердце ускоряется ещё сильнее! Поставив предплечья на крышу своей машины, не отвожу взгляда от её двери. Через некоторое время она выходит.

Аааа... Где таких девочек красивых делают?

Волосы собраны наверх. В роскошном домашнем платье, стилизованном под японский халат-кимоно. Расклешённые рукава скользят к локтям, оголяя изящные запястья и предплечья, когда она подписывает документы курьеру. Он отдаёт ей ключи, уходит...

Застыла у машины, словно боится повернуться и увидеть меня.

– Вика... – окликаю её с другой стороны дороги.

Ещё пятисекундная пауза. Разворачивается. Вижу, как ярко горят её щеки.

– Сейчас... – теряется. – Пять минут.

Сбегает.

Ну да... Сейчас отдаст торт и слиняет. А я сдохну тут на-

хрен!

И я заранее задыхаюсь, доставая сигарету. Жадно выкуриваю. И за минуту до её появления решительно сажусь в машину. Пусть тоже сядет!

Оглядываясь, идёт ко мне.

Обламывает тебя, да?..

Смущённо останавливается у моей двери. Опускаю стекло.

– В машину сядь.

– Нет.

– Сядь. Или ты хочешь, чтобы все наблюдали, как ты «мальчика по вызову» тортами одариваешь?

– Господи... – беспомощно всхлипывает, оглядываясь ещё раз.

Поднимаю стекло, открываю ей изнутри дверь.

Садится. Губы искусала так, что они ярко-малиновые. И опухли. Хорошенькая... Неловко заправляет прядь за ушко.

– Это тебе, – протягивает мне торт. – Моя благодарность за помощь.

Ловлю её взгляд. Забираю торт, переставляю на заднее сиденье.

– Вик, а сын дома один у тебя сейчас?

– Что? – распахиваются её глаза.

– Сын один или с кем-то?

– С няней... – растерянно.

Нажимаю на блокировку дверей. Поворачиваю ключ за-

жигания и втапливаю педаль газа в пол. Е-е-е!!... Это почти оргазм!

– Ты что делаешь?..

– Похищаю.

– Стеф! Это не смешно!

– Согласен.

– Останови немедленно!

– Сейчас будет пост охраны.

– Боже мой! Хватит! Остановись! Ну, пожалуйста!

– Если ты разложишь сиденье до конца, то камеры не увидят тебя в моей машине.

– Вот ещё!

– Как хочешь.

– Мерзавец! Так и знала, что тебе нельзя доверять!

Жалобно хныкая, дёргает за рычаг под сиденьем и падает назад, закрывая руками лицо.
 Мы проезжаем пост. Я набираю скорость, моя грудная клетка вдруг решает двигаться во всю мощь, словно мы вырвались на свободу. И меня пьянит от кислорода.

– Пристегнись. И подними сиденье.

– Куда ты везёшь меня?..

– В лес.

– Зачем?!

Мне становится смешно от её испуга. Поджимаю губы.

– Стеф!

– Насиловать буду, разве непонятно?

– Зачем?.. Я не хочу!

Смеясь, закатываю глаза.

– Не хочешь, как хочешь. Тогда просто погуляем.

– Я в халате!

– Белки не оскорбятся.

– Стеф, ну хватит. Отвези меня домой...

Выкручиваю музыку на максимум, чтобы не слышать её стенаний и уговоров. Басы колотят в грудь, разжигая мой азарт. Кайф! Бросаю на неё взгляд. Возмущённо дует опухшие губёшки. Впитаться бы... Не глядя, отыскиваю свободной рукой её кисть, сжимаю, не позволяя вырвать.

Ответь мне, пожалуйста, Ягода моя. Мне очень нужно. Иначе я сейчас начну агонизировать и хрени натворю...

Глава 1 - В отпуск по личным обстоятельствам.

– Державин! – рявкает грозным голосом Альбина Валерьевна, заведующая отделением детской травматологии.

Не спеша разворачиваюсь.

Её тёмные волосы собраны наверх, оголяя изящную шею, переходящую в манящее декольте.

– Степан Дмитриевич, – недовольно поправляю я, – если вдруг запомнили.

– Зайди немедленно.

– Соскучилась? – снижаю голос.

– Прекрати, Стеф! – шикает она. – Ты достал! Жалоба опять на тебя.

Устало закрываю глаза.

– И что?

– Зайди.

– У меня обход. Последний пациент. После – всенепременно!

– Жду.

Агрессивно цокая стальными шпильками, обгоняет. Красивые бёдра, обтянутые белым халатом, ритмично двигаются. Провожая взглядом...

Захожу в палату. Долговязый парнишка лет тринадцати. Новенький.

– Привет.

Заглядываю в карту.

– Ты Данила, так?

– Павлов... – добавляет несмело.

– А я – Стеф Дмитриевич. Вывих с отёком. Мхм... Показывай. Что ж тебе в травмпункте не вправили?

– Мамка не дала. Говорит, криворукие там. Сюда привезла.

Ощупываю под его болезненное шипение плечевой сустав. Смотрю на рентгеновский снимок.

– А зря не дала. Отёк теперь, болит, наверное, адски...

– Угу... – шмыгает носом.

– Здравствуйте... – подозрительно за спиной.

Оборачиваюсь. Заходит женщина средних лет. Недовольно смотрит на меня. Видимо, «мамка».

– Вы кто?

– Дежурный врач.

– Нам дежурный не нужен. Тем более такой молодой и неопытный. Нам нужен специалист! Данила профессионально занимается баскетболом...

Пока она гордо вещает мне про достижения сына и его гиперценность, пересаживаю пацана на стул, бросаю на спинку полотенце и аккуратно перекладываю его руку через эту конструкцию.

– Спину выпрями, – помогаю принять правильную позу.

– Поэтому я к нему только лучшего травматолога подпущу! – финалит она свою речь. – А что это Вы делаете?

Присев, дёргаю за предплечье вниз. Хруст, вопль пацана... Делов-то!

– Всё-всё... – успокаивающе хлопаю по здоровому плечу шокированного мальчишки. – Всё на месте. Мужик! Молодец... Даже не плакал! – купирую я его попытку зареветь. – Через пару недель будешь снова трёхочковые закидывать. И отёкйдёт, и боль. Вот так прижми...

– Вы что?.. – идёт пятнами мать. – Да кто Вам позволил?..

– А в травмпункте у нас не криворукий травматолог, а вполне квалифицированный, – назидательно внушаю ей. – И вообще, сначала здоровьем сына займитесь, а потом его карьерой. У него же сколиоз...

– Что Вы себе позволяете? – задохнувшись от возмущения, переходит она на шёпот. – Вы ж ему руку сломали!

– Медсестру сейчас к тебе отправлю, – бросаю я мальчишке.

– Спасибо, – бормочет он, стесняясь стенаний матери.

– Да я на Вас жалобу напишу! – несётся вслед. – Тоже мне «платное» отделение!

– Платная у вас палата, а отделение самое обычное.

– Понабрали мясников!

Игнорирую, закатив глаза.

Иду к Альбине. Вхожу без стука, запираю за собой дверь,

падаю на её роскошное кожаное кресло. Отталкиваясь кроссовками от пола, делаю оборот вокруг оси. И торможу, останавливаясь лицом к окну. Она оборачивается, потушив сигарету. Молча сверлим друг друга взглядами.

– Жалоба, – напоминаю я.

– Стеф!! Ты нахера дочери зама мэра сказал, что она толстая? Ей четырнадцать!

– Я сказал – двадцать лишних килограммов, которые деформировали скелет, расплющили ей стопу. И их срочно нужно скинуть. Что не так?

– Ты ей сказал, что такие мальчишки, как ты, любят стройных!

Ах ты, мстительная маленькая стукачка! Рассказала... А я ведь и правда хотел помочь.

– Это была... мотивация, – ухмыляюсь я. – Я ей понравился!

– А если она покончит собой?? У неё теперь депрессия!

– Если ты заглянешь в азы психотерапии ожирения, Альбина, то там умные мужики написали, что пищевые наркоманы к самоубийству не прибегают. Однако юношеская влюблённость может... изменить пищевое поведение. Особенно при стресс-факторах... А с депрессией она уже поступила к нам...

– Ты идиот, скажи мне?

– Аля, родоки откормили её, как свинью, и не готовы ничего слышать. Они её угробят. И она уже достаточно взрос-

лая, чтобы включиться в ситуацию.

– Нет, ты точно идиот! Не надо никого спасать! Просто делай свою работу, и всё. Травматолог! Здесь и сейчас! А там – хоть передохнут пусть все!

«Не-е-т, это уже не жалоба, – оцениваю я её состояние. – Это что-то личное».

– Травматолог-ортопед, – поднимаю я палец вверх, уточняя. – Сегодня, кстати, будет ещё одна жалоба.

– На что? – закрывает она устало глаза.

– В этот раз именно на то, что молча сделал свою работу.

– Как же ты достал...

– Уволь! – развожу руками. – Если я херовый травматолог – уволь.

– Ты – лучший, – меняется её интонация на виноватую. – Но...

А вот и личное.

– Ну давай теперь про нас, – киваю я поощрительно.

Открывает шкафчик, достаёт две рюмки и бутылку с остатками коньяка, разливает.

– Не чокаясь? – уточняю я, ловя её настрой.

– Стеф, мне тридцать восемь.

– Я помню.

– А тебе двадцать шесть, – срывается её голос.

Выпиваю залпом коньяк и со стуком ставлю рюмку на стол. Началось...

– А ещё ты мой начальник, и у нас служебный роман, –

подсказываю ей.

– Кошмар...

– Ночью ты другие эпитеты подбирала.

– Трахаешься ты как Бог! Но...

– Да говори уже!

– Пойми меня, пожалуйста, Державин...

– Ну?

– Я не могу сделать публичным факт нашей связи. Не могу!

– Почему? Все и так в курсе.

– Это сплетни!

– И чем же я не вышел? – сжимаю челюсти.

– Слишком большая разница в возрасте! Это просто... Да меня по костям разберут и за спиной будут пальцами тыкать! Ты что, не понимаешь, что при моей должности...

– Ну и не делай его публичным, – пожимаю плечами, – пусть сплетничают дальше.

– Нет. Дальше так продолжаться не может... Стеф, я знаю, ты умный мужчина, ты меня поймёшь.

Её пальцы и губы дрожат.

– Мне Тихорецкий предложение сделал. Если я соглашусь... Через пару лет у нас с ним будет своя частная клиника. Лучшая в городе... В крае!

– Чего?.. – обтекаю я.

Сердце колотится в груди, и шея немеет.

– Это не повлияет на наши отношения! Это просто...

– Стоп.

Поверить не могу...

– Стёпочка... Я очень тебя люблю. Но пойми меня...

– Я понимаю... – слепо смотрю на рюмку.

– И... я не могу тебе дать место моего зама теперь, понимаешь? До него дошли сплетни. Я буду выглядеть бледно...

– М, – киваю я. – А почему? Я же выполняю все его функции по факту.

– И выполняй! Я тебе буду каждый месяц премию выписывать.

А шли бы вы нахуй вместе с Тихорецким!

Встаю.

– Всех благ.

– Ты куда?..

– В отпуск. Без содержания. Заявление принесу завтра.

Глава 2 – Предложение, от которого нельзя отказаться

В моём новом кабинете много светильников и мало света. Всё оформлено в восточном, но современном стиле. «Лакшери». Веду рукой по массажной кушетке. Белоснежная настоящая кожа...

На стене несколько моих дипломов, оформленных в дорожные рамки, и в центре чёрная с золотом табличка: «Женская клиника мануальной терапии».

– И запомни, Стеф, наши пациенты ходят на массаж не за здоровьем, а за релаксом. Поэтому используй свои знаменитые пальцы правильно. Никакой, даже обоснованной боли, только приятные ощущения.

– А я думал, за релаксом ходят в салоны.

– Мы и есть салон, но с гарантией профессиональности специалистов. Клиент должен выходить тактильно удовлетворённым. С приятным послевкусием и желанием вернуться. Я очень рад, что ты наконец-то созрел на моё предложение.

Низенький, полноватый, но деловой Сеницын протягивает мне руку. Я пожимаю. Мы вместе учились. Это клиника его отца.

– Деньги ты получаешь на карту в конце каждой недели.

– А порядок суммы?

– Твой коллега получает... – набирает мне на телефоне впечатляющее число, – столько. Думаю, у тебя клиентов будет больше.

– Почему больше?... – вздёргиваю я бровь.

Синицын, ухмыляясь, рассматривает меня в зеркало, ви-
сящее на стене. Рубашка слишком обтягивает грудные мыш-
цы и бицухи, замечаю я, надо сменить на размер побольше.
А то как стриптизёр!

– Почему... Ты же у нас непревзойдённый спец, Державин!
– с ноткой сарказма. – А если догадаешься оголить свои ре-
льефные руки, так вообще отбоя не будет.

– Э-э-э... Синицын! – возмущённо ловлю его взгляд в зер-
кале. – Я не оказываю интимных услуг.

– И это правильно. Затрахают до смерти! Стоит только
раз согласиться. Как эстафетную палочку передавать начнут.
Пусть просто облизываются и представляют, насколько ты
хорош. А коллега твой, по слухам, не брезгует и услугами
интимного плана для некоторых респектабельных дам. Но
если вдруг тебе захочется пойти по его стопам – не в рамках
клиники. Наша репутация не должна скатиться к салону ин-
тимных услуг.

Оттягиваю ворот рубахи, ослабляя галстук.

Мда...

Но! Чем плоха эта работа? Временно – вполне себе. Мас-
саж – часть моей специализации. Хорошо освоенная мной

часть.

– Удачи. Надеюсь, сработаемся.

В меде мы с ним неплохо ладили. Звёзд он с неба не хватал, но был упёртым, и смог доучиться до конца. А я – хватал. Но карьера моя теперь на паузе. Как и личная жизнь.

Синицын уходит, оставляя меня одного. Изучаю свой кабинет, проводя инспекцию и записывая в блокнот всё, чего мне здесь не хватает для нормальной работы.

– Степан Дмитриевич, – заглядывает медсестра с ресепшена. – Можно?

– Конечно.

Молоденькая брюнетка, взгляд цепкий, игривый.

– Я – Зоя.

Киваю.

– До обеда, – заглядывает она в блокнот, – массаж шейно-плечевого отдела... общий массаж тела...

Она перечисляет, стреляя в меня заигрывающими взглядами.

– Давай так. Ко мне ты отправляешь тех, кто посложнее, а к... Как его?

– Гарин?

– Да, Гарин.

Не понравился мне мой коллега. Пока курили, скормил кучу утомительной и несъедобной пошлятины про свои подвиги.

– Вот к Гарину всех, кто на релакс, а ко мне всех, кому

поправить здоровье. По возможности.

– Я поняла, – улыбается она. – Там мама с девочкой тринадцатилетней записались. Сотрясение у неё.

– Вот! Отлично. Этих ко мне.

– И беременная с растяжением...

– И её ко мне.

– А ещё мужчина... Что-то там особенное у его жены, хочет лично поговорить со специалистом. Именно с Вами.

– Тогда - тоже ко мне.

– А кофе хотите?

– Кофе, прекрасная Зоя, делает твои кости хрупкими и организует тебе дегенерацию каркаса подкожно-жировой клетчатки. В народе – целлюлит. Поэтому не пей, Зоя, кофе и никому не предлагай.

– А что предлагать?

– Чай, лучше – зелёный. Без сахара.

– Может, Вы ещё и не курите?

– От перфекционизма Бог миловал. Курю. Врачам положено саморазрушаться. Для вселенской гармонии.

– Хорошо...

– Чего ж хорошего?

– Потому что я – тоже курю.

Хорошенькая...

Морщась, трёт шею, пытаясь размять её сзади пальцами.

Ай... какой прозрачный ход, Зоя! Ты б ещё экстренно ногу подвернула...

Мне хочется закатить глаза, но я сдерживаюсь, исследуя, как далеко она зайдёт.

– Кресло неудобное... – закусывает губу. – Поправите шейку, Степан Дмитриевич?

«Шейку матки?» – практически саркастически вылетает у меня. Но я опять сдерживаюсь.

– Можно просто Стеф.

– Стеф...

Подхожу к ней в упор и, глядя в глаза, сжимаю шею, вдавливая средние пальцы в подчерепную впадину, а большие под челюсть. Тяну вверх под её тихий писк, делая несколько едва ощутимых вращательных движений.

– Расслабься...

– Ооо... – выдыхает Зоя.

Спускаюсь на трапецию, вдавливаясь в нервные окончания пальцами, в несколько плавных движений разминаю застывшие мышцы.

– Так лучше? – поднимаю бровь.

С энтузиазмом кивает.

– Руки у Вас... волшебные, – с восхищением.

Знаю...

Но что-то не готов я больше к служебным романам. Ну его нахуй. Сердце, конечно, не разорвало, но по самолюбию ёбнуло! Поэтому игнорирую её восторженный взгляд, ухожу к раковине и долго мою с антисептиком руки, пока она не уходит.

Поработав с девочкой, что с сотрясением, выписываю им рецепт:

– Глицин, валериана и покой.

– А нам участковый мексидол прописал.

– Ну что Вы, какой мексидол? Сотрясение лёгкое, внутренней гематомы нет. Придётся ещё пару раз на правку. Не нужно ей таких тяжёлых препаратов.

– Спасибо Вам большое.

– Пожалуйста! Будьте здоровы.

Ближе к обеду Зоя приглашает следующего клиента.

Мужчина... Лет тридцати пяти. В идеально сидящей тройке. Солидный, лощёный. Линия его щетины на щеках практически фигурная. Не иначе – ко мне сразу из барбершопа.

«Хорошая осанка», – отмечаю я намётанным взглядом.

Критично осматривает помещение, не спеша здороваться. Переводит на меня требовательный давящий взгляд. Рефлексы мои взбрыкивают, требуя осадить его, но я подавляю этот всплеск.

– Вы – массажист?

– И массажист тоже, – киваю я.

Оценивающе разглядывает.

– Профессиональный? Или...

Киваю на стену с дипломами. Подходит, читает...

– Вы мне подходите.

Не уверен, что смогу ответить взаимностью. Мне непри-

ятна его надменность. Но «клиент» же! В крайнем случае, отправлю его к коллеге в соседний кабинет.

– Я хочу заказать массаж для жены.

– Просто массаж?

– Не просто. Вы сделаете ей массаж с... «окончанием».

Не сразу врубаюсь. Он пристально вглядывается в моё лицо.

С окончанием – это... как шлюхи-массажистки? Которые дробчат тебе после массажа?

Пф!

Не сдержавшись, брезгливо морщусь.

– Я не оказываю интимных услуг!

– А Вы сделайте исключение.

– Почему именно я? – непонимающе смотрю на него. – Вызовите эскорт!

– Мне Вас рекомендовали, как лучшего специалиста... по женскому телу. К тому же моя жена – чистая девочка, и никогда не позволит прикоснуться к себе каким-то... жиголо.

– А мне позволит? – фыркаю я.

– Ну Вы же специалист... Расслабьте...

На стол ложится приличная пачка бабла и фото девушки. Зависаю на фотке... Вау. Какая красивая!

Я даже забываю на пару мгновений, что ему от меня нужно. Девушка на фото захватывает все мое внимание. Большие выразительные омуты ее глаз смотрят не на фотографа, а в сторону. Открытые плечи, изящные ключицы, маняще

выпирающая из разреза платья грудь... Светлые густые волосы до самого пояса роскошной волной обрамляют лицо. И губы трепетно приоткрыты, словно требуют...

Улетаю в фантазию, как прохожусь языком по этим приоткрытым губам, вдавливаясь им в её тёплый рот. И меня прёт от предвкушения головокружащей нежности! Волна крови неожиданно резко приливает в пах. Вздрагиваю. Встряхнувшись, беру фотографию в руки, поднимая на него взгляд с неммым вопросом.

Нахера такой потрясающей девочке массаж с окончанием? Ты чего, блять, не можешь сам трахнуть свою жену как следует?

– Вы должны её расслабить и сделать всё, чтобы она... не отказалась от удовольствия. Но... только пальцы. Никаких других прикосновений, обмена жидкостями и прочего. Просто массаж. Интимный.

– Так она... не в курсе деталей услуги?

– Нет.

Интересное кино!

– Вы извините, но я – пас. Я врач, а не...

Кручу в руках её фотку.

– Нет, – повторяю категорически.

Кладу фотку на стол поверх денег.

– Жаль, – тут же теряет он ко мне интерес. – Мне сказали, что у Вас тут два массажиста. Где кабинет второго?

Мой глаз начинает дёргаться от мысли, что он подложит

эту девочку под скабресника Гарина.

– Второй работает с обеда.

Смотрит на свой ролекс.

– Я подожду.

Сгребает со стола пачку денег и фотку и не замечает, как она выскальзывает и летит на пол. Падает картинкой вниз. Меня передергивает от ощущения, что девушка испачкана. Но я не говорю ему о том, что фотка упала. Потому что мне хочется взглянуть на неё еще разок.

Мужчина разворачивается на выход. А у меня перед глазами до сих пор его жена. И фантазия начинает развиваться не в ту сторону. В этот чистый розовый ротик почему-то теперь втрамбовывается грязный язык Гарина. Ой, фу! Мерзость какая.... Совсем ёбнулись мужики! Жён своих раздают.

Клиентка «не в курсе деталей услуги». Что делать-то?!

– Подождите! – торможу его. – А... если она не позволит? Категорически!

– Не позволит – так не позволит. Ваша задача – попробовать это сделать.

– Окей, я согласен. Я попробую.

Деньги возвращаются на мой стол.

– Завтра.

Он выходит, я поднимаю фотку и падаю в кресло. Не отводя глаз от ее лица, отталкиваюсь кроссовками от пола, пуская кресло по кругу. И еще раз... И еще раз...

Я просто сделаю ей массаж. И всё. Хороший массаж всего

тела. А потом она мне «не позволит».

Договорившись с совестью, прячу фотку в карман.

Глава 3 - Мудрая мысль

На плазме курс пилатеса.

Повторяя за инструктором, тяну связки паха, преодолевая болезненные ощущения.

Борис против того, чтобы я ходила в общую группу в спортивном центре. У него бзик на моей «культурной изоляции». Он очень серьёзно относится к нашему кругу общения. И боится, что слишком обывательские пошлые подружки могут испортить меня.

Это утомляет, но не слишком принципиально для меня, и я не спорю.

С ним вообще сложно спорить. Его невозможно переспорить. Как только у него заканчиваются доводы и аргументы, он прерывает разговор, уходя в свой долбанутый телефон. И никогда не возвращается к теме, ставя точку по умолчанию.

И я уже сама, как ребёнок, которому слишком многое запрещают, начала делать многие вещи тайком. Если он узнает, разнесёт меня за инфантилизм и «глупые протесты»! Но я очень надеюсь, что мои «косяки» не столь принципиальны, чтобы это вылилось во что-то более серьёзное, чем выговор и стандартная неделя игнора. Он всё равно почти всё время меня игнорирует, отдавая предпочтение телефону. Главное, чтобы не прилетело Илюшке. Тот ещё не выработал иммунитет к игнору отца.

Вообще-то, Борис – хороший отец. Внимательный, требовательный... «И любящий!» – хотелось бы добавить мне. Но что такое любовь мужчины, я так до сих пор и не разобралась. Мой отец был всегда занят для меня, Борис тоже всегда занят... Но оба они утверждают, что очень меня любят. А других мужчин в моей жизни не было. Видимо, их любовь выражается в заботе о семье. Каждый же выражает её по-своему, так?

Я – «слишком примитивно». Борис – «зрело». «Любовь – это решение двух зрелых людей посвятить себя друг другу». И я посвящаю, как могу. И он посвящает, как может – он заботится о том, чтобы наша семья «повышала свой уровень».

Иногда, когда я смотрю в зеркало, мне хочется побиться своей красивой ухоженной головой о стену.

Ну а в целом всё прекрасно. У нас показательно успешная семья, высокопоставленные друзья и прекрасный сын. Наш доход растёт. «Время – деньги». Но, видимо, лично я стою не так уж и много. Потому что времени на меня нет... А рост дохода никак, совершенно никак не отражается на «уровне моей удовлетворённости». Но это всё, конечно, потому что я «глупая девочка» и не смотрю в будущее.

Но как же быть с настоящим?

Падаю на спину, разглядывая себя в зеркальный потолок. Для чего я так убиваюсь над фигурой, если секс у нас всегда в темноте и наскоро, чтобы Борис мог расслабиться и работать спокойно дальше? Аа... ну да. Идеальная форма жены – лицо

и показатель респектабельности мужа.

Швыряю полотенце, лежащее в изголовье, в стену.

Я, честно сказать, хреновая жена. Мне кажется, я начинаю презирать своего горячо любимого когда-то мужа. Во время его убедительных монологов в моей голове всё чаще высвечивается неоновыми буквами это ужасно позорное слово «развод». Но в наших семьях не разводятся. Ничто изнутри не должно затронуть репутацию семьи. Бунтарка из меня посредственная. Никогда я не решусь на развод.

Пытаюсь вспомнить, было ли у нас когда-нибудь по-другому? Было. Когда я, восемнадцатилетняя дурочка, боялась и слово сказать против, заглядывая ему в рот.

Такое себе «другое».

Слышу смех сына в соседней комнате. А это значит, происходит нечто, что наверняка расстроит отца. Весёлый смех – это первый признак.

– Катюш? – кричу я. – Вы точно учите французский?

– Точно!

Прошлая гувернантка была уволена месяц назад. За несоответствие «нашему уровню». К Екатерине он тоже отнёсся отрицательно. Но это была одна из моих редчайших побед.

Мой будильник на фитнес-браслете пиликает восемь часов.

Борис очень пунктуален. Быстро убираю в гостиной за собой, забегая на пять минут в душ и иду в детскую. Илья, валяясь на коврике вместе с Катей, смотрит французские мультфильмы.

тики.

– Кать! Да ты что?.. Убери телефон немедленно. У вас же урок французского. Если Борис увидит телефон... Никаких гаджетов!! Ты же знаешь!

– Виктория Алексеевна, ему шесть, учить язык по мультикам – это самое то!

– Мамочка... – складывает Илюшка умоляюще свои маленькие пальчики. – Пожалуйста! Я не скажу папе.

В окно вижу, как во двор заезжает гелик мужа.

– Быстренько!! За стол! – командую я нервно.

Илюшка сдружился с Катей, и я очень боюсь, что Борис уволит и её.

Быстро убираю с пола пару игрушек и бросаю им на стол пропись по французскому.

Дверь открывается...

– Привет! – выхожу его встречать.

– Да... да... конечно. Через сколько? – смотрит на часы, разговаривая по гарнитуре. – Обязательно перезвоню, – нажимает кнопку, скидывая вызов.

– Добрый вечер! – ещё раз пытаюсь я, но он поднимает вверх палец, прося подождать.

Вторая линия, как обычно.

– Андрей Семёнович? Это Борис, да... мхм... Ясно-ясно...

И мне всё ясно! Ухожу в столовую накрывать ужин. Переодевшись, он сначала заглядывает в комнату сына, о чём-то строго разговаривает с Катей, а потом заходит ко мне. Я

разогреваю ему плов.

– У тебя был свободен весь день, Тори, и ты не можешь вовремя мне подать ужин? Чтобы я пришёл и сразу сел за стол? Ты же знаешь, что...

Мысленно выключаю звук, молча игнорируя этот выпад.

– Как прошёл твой день, дорогая? – переключается он, когда я наконец-то сервирую ему ужин и сажусь напротив со стаканом йогурта.

– В раздумьях...

Ну давай, спроси меня, о чём я думала, и что меня беспокоит! Пожалуйста!

– Женщине думать нужно только над мыслью, полученной из приличного источника. Иначе она начинает думать глупости. Каков источник?

У меня очень красивый муж. У него очень интеллигентное породистое лицо, красивые зелёные глаза, умный пронзительный взгляд, прямой нос, идеально очерченные губы, белоснежные, отполированные у лучшего стоматолога зубы...

Но как же сложно его любить, ежедневно слушая, что выходит из этого рта. А когда-то он казался мне самым умным из мужчин!

– Ты не спрашиваешь, как прошёл мой. Почему?

– Борь... – вздыхаю я уныло.

– Борис, – поправляет он с ноткой недовольства.

– Борис. Ты скучал по мне?

– Не понял вопрос. Ты же знаешь мой график и ритм.

«А я тоже не скучала», – вдруг осознаю я. Его возвращения домой приносят всё больше нервотрёпки и напряжения, чем радости.

– Дорогой, – отставляю я в сторону йогурт. – Меня надо спасти от разочарования. Прямо сейчас. Поцелуй меня.

– Я ем. Поцелую тебя, когда ляжем в кровать. У всего, Тори, должна быть уместность.

– Чтобы лечь в кровать, должен же быть повод, Борис! Этого нужно захотеть!

– Ты опять настроена скандалить? В таком случае мне жаль, что ты не оценила времени, которое я выделил на разговор с тобой. Можешь пойти и подумать об этом. Вот тебе подходящая мысль!

– Ну что ж! Пойду подумаю, – швыряю опять с чувством полотенце. – Эту мудрую мысль.

Глава 4 - Судороги

С гарнитурой в ухе Борис ходит по кабинету, просматривая документы и разговаривая по телефону. Замираю в дверях. Эту картину я уже несколько лет лицезрею каждый вечер.

– Какой ещё выходной? Исключи это слово из своего лексикона. До финала проекта все работаем в круглосуточном режиме. Ты знаешь, сколько стоит мой час? А час работы всей команды? Посчитай, во сколько нам обойдётся выходной. Необоснованные траты!

– Борис... – негромко зову я.

Бросив взгляд, игнорирует, продолжая разговаривать.

– На нас сделали ставки партнёры, о которых мы год назад и мечтать не могли. Если мы не оправдаем их ожиданий, это будет такой откат... Удар по репутации!

– Борис.

Поднимает ладонь, тормозя меня, потом указательный палец, прося подождать окончания разговора.

– Какая ещё семья? – раздражённо. – У всех семья. Расставь приоритеты правильно, иначе тебе не место в моей команде.

Ухожу на кухню. Там Илюшка облизывается на свежеспечённый пирог. Свежая клубника под ещё не застывшим шоколадом пахнет так заманчиво, что сынок несколько раз

сглатывает слюну, нетерпеливо ёрзая на стуле.

У меня немного талантов – угольная графика, языки и выдающиеся торты. Борис признаёт только языки. Иногда хвастается тем, что я художник, если приходится к слову. Но в искусстве он понимает мало и, боясь, что я не столь хороша, чтобы мной восхищались, никогда никому не показывает моих работ. А вот кулинарию не признаёт. К сладкому он совершенно равнодушен.

– Мамочка... сколько ждать ещё?

– Не будем ждать, – хмурюсь я.

– Папа не хочет?

– Папа занят.

– Хорошо! – ляпает удовлетворённо Илюшка, погружая палец в шоколадную массу.

– Пирожок, не говори так. Папа расстроится.

– Я не люблю папу... – заговорщицки шепчет мне сын.

– Почему? – сглатываю я.

На самом деле я знаю – почему. Папа для него символ лишения радостей и удовольствий. И ещё символ принуждения к тому, что он терпеть не может. Например, этот долбанутый хоккей. Куда он упорно таскает его уже год каждую субботу. Борис упёрто настаивает, что его сын обязательно должен иметь спортивные достижения. И так как сыновья его партнёров преуспели именно в хоккее, он расчётливо использует сына как «неформальную точку сближения». А у меня едва выдерживают нервы и терпение переживать эти ужасные

субботы. Три часа каждую субботу Борис посвящает сыну. Но к большому горю Илюшки эти три часа – тренировка по хоккею.

Я, конечно, согласна, что мальчик должен заниматься спортом, но... теперь я тоже люто ненавижу хоккей.

Поэтому ответ на вопрос «почему» очевиден. Но Илюшка ещё слишком мал, чтобы проанализировать, и просто пожимает плечами, доверчиво глядя на меня.

– Не говори так больше, ладно? Папа старается...

Но мой «пирожок» уже не слушает, наявивая с наслаждением торт!

– Тори! – недовольно.

Оборачиваюсь.

– Заканчивайте с тортами. У ребёнка спортивная диета. Это очень безответственно. Илья! Умываться и спать!

Илюшка расстроено выходит из-за стола, успевая запихать в рот кусок торта побольше. Борис с недовольством смотрит на это.

– Ты опять не следишь за его режимом. Уже десять часов, а он не спит. Я же столько раз объяснял тебе, почему это так важно. Неужели сложно услышать меня? Зачем ты это делаешь?

– Что именно делаю? Счастливым нашего сына?

– Глупости! Ты делаешь его неудачником в будущем ради сомнительного удовольствия в настоящем. Это ограниченность!

– Значит, я – ограниченная женщина.

Накрываю торт стеклянной выпуклой крышкой.

– Такие заявления – попытка снять с себя ответственность, Тори. Не ожидал!

Боже мой... Да оставь ты меня в покое!

Ухожу из кухни в спальню. Но он следует за мной, продолжая мне выговаривать. Я, как тупая кукла, смотрю ему в глаза, намеренно выключив мозг, и не понимаю ни одного сказанного слова. Дождавшись маленькой паузы, вставляю:

– Давай ложиться спать. Я устала.

– Иди в душ. Я приду через час. У меня ещё конференция.

Разглядываю себя в зеркало в ванной, крутятся перед ним. Сжимаю руками пышную, совершенно не пострадавшую от кормления грудь. Веду ладонями по тонкой талии, размазывая лавандовое масло. Лобок... бёдра... голени.

Эх... Никому не важна вся эта красота и нежность моей кожи! И мне так тоскливо и обидно, словно я монашка, которой не светит познать свою женскую природу.

Но я же не монашка... И сегодня пятница. А по вторникам и пятницам у нас секс.

А может, я хочу по понедельникам!!!

С остервенением сушу волосы полотенцем. Борис не выносит, когда вода с волос капает на него или простыню.

На самом деле никак не хочу – ни по понедельникам, ни по пятницам! Потому что с нашим сексом что-то явно не так. По ночам мне снится совсем другой секс – тягучий, горячий!

И к утру я как растерзанное, но не съеденное пирожное. Вся мокрая и замученная – был у нас с ним этот чёртов секс или нет. Но с утра его уже нет в нашей кровати. И пирожное всегда остается нетронутым. Он встает в пять тридцать. А вот вечером я суха, как Сахара, и его движения внутри только раздражают!

Ложусь в кровать, скучая, открываю какой-то взрослый роман и попадаю на сцену секса.

Господи... Всё у них фейерверки взрываются! Где они их только берут эти фейерверки?..

Борис заходит в спальню после душа, аккуратно развешивает на плечиках свой халат, с недовольством косясь на моё полотенце, брошенное комом.

Спускаясь взглядом по его красивому телу, перевожу глаза на расслабленный член. И совершенно не понимаю, за какие подвиги этим штукам поют такие оды. Самое впечатляющее, что мне прилетело – сын.

– Ты не забыла выпить противозачаточные?

– Это прелюдия? – недовольно хмурюсь я.

– Это забота, Тори. Мы же планируем второго только через три года.

– Ты планируешь.

– Но это же разумно. Илья освоится в гимназии, и у тебя будет время заниматься вторым ребёнком.

Приближаясь ко мне, он сжимает свой член, помогая ему прийти в боевое состояние.

– А мы можем во время секса не говорить о детях? – за-
жмуриваюсь я, пытаюсь отыскать в себе хотя бы намёк на воз-
буждение.

– Устал сегодня, – разминает спину. – Давай ты сверху.
Ложится рядом на спину. Сажусь верхом. Кладёт руки мне
на бедра.

– Где мои поцелуи? – наклоняюсь я.

Перехватив за затылок, коротко целует пару раз, лениво
проходясь языком по моей губе. Чувствую, как его член ста-
новится твёрже.

Точка кипения во мне очень близко.

Глажу свою грудь, не торопясь, впускать его член внутрь.

– Почему ты никогда не трогаешь меня?

– Я трогаю...

Обводит пальцами мой сосок. Дёргаюсь от слишком рез-
кого ощущения.

– Моё тело состоит не только из сосков, губ и вагины. Всё
остальное тебе неинтересно?

– Тори... Я ласкаю то, что более чувствительно.

– Экономишь время? – разъярившись, я откидываю назад
копну своих волос. Кончики задевают его лицо.

– Осторожней! – раздражается он. – В глаз попала.

Возмущённо молчу.

– Тори... – оттаивает он немного. – Давай... – гладит моё
бедро. – Мне ещё японские биржи изучать.

– Возможно, если бы ты не экономил время на ласки, я

бы кончала.

– Дорогая, мы обсуждали это. Значение женского оргазма очень преувеличено. Почитай сама медицинские источники. Это всего лишь... судорога. Не больше. Для женского организма это не так важно, как для мужского. А я даю тебе гораздо более значительные вещи, чем оргазм.

– А я хочу свою судорогу! – срывает меня от этой логики.

– Поласкай себя... Большинство женщин делают так. Редкие получают оргазм непосредственно от коитуса.

Беспомощно закрываю глаза. Я не могу это слушать!!!

– Судорога? Поласкать себя? – передёргивает меня. – Хорошо...

Приподнимаю бёдра и, несколько раз пройдясь по его члену вверх-вниз, направляю внутрь себя. Закрыв глаза, двигаюсь, пытаюсь получить от этого хоть какое-то удовольствие. Но кроме раздражающего трения абсолютно ничего не чувствую. Через несколько минут ощущаю, как Борис, удерживая за бёдра, начинает снизу врываться в меня сам. И как только доходит до пика, зажмуриваясь и тяжело дыша... я просто встаю с него и с нашего супружеского ложа.

Он ошеломлённо смотрит на меня.

– Дорогая?..

– А теперь поласкай себя сам и получи свою СУДОРОГУ! – рывкаю я, вытирая брызнувшие из глаз слёзы.

– Тори...

– Не подходи ко мне!

Путаясь, натягиваю длинную футболку и сбегаю спать в кровать к сыну.

Не могу больше... Не могу!!!

Глава 5 - Как мальчишка

По дороге домой торможу у ближайшего супермаркета и покупаю себе огромного свежего тунца. Упакованный в прозрачную плёнку хвост торчит из пакета. На стоянке женщина с пятилетней девочкой складывает пакеты из тележки в багажник машины.

– Мама! – пугливо хватается девочка за руку матери, глядя на меня.

Растерянно замираю.

– О, не обращайтесь внимания, – миролюбиво улыбается мне женщина. – Мила панически боится акул.

– Ну этой можешь точно не бояться, – подмигиваю я, улыбаясь девочке. – Сегодня я её съем.

– А других? – с любопытством выглядывает она из-за бедра матери.

– Других сегодня не осилю, – развожу руками. – Но за неделю постараюсь справиться. Ни одной акулы в нашем городе не избежать моих зубов.

Щёлкаю несколько раз зубами. Мила смеётся.

– Ты – супермэн?

– О, да! – убираю в багажник пакет с продуктами. – Поедатель акул. И нас целая банда!

– Мила, в машину, – командует ей мать.

Девочка машет мне рукой из окна. Машу ей в ответ. Дети

клёвые! С ними просто. А взрослых я люблю через раз. А то и через три.

Паркуюсь возле дома, в последнее мгновение замечая припаркованную чуть поодаль тачку Альбины. Выхожу, забрав пакет.

– Привет, Стёпочка... – виноватым голосом.

– Здравствуй, – поворачиваюсь я.

Глаза спрятаны за дымчатыми стёклами очков. Но я помню, у неё очень красивые глаза. Светло-зелёные, прозрачные как море, радужка обведена тёмной каймой, делающей глаза очень выразительными. Когда-то я запал на эти глаза. А теперь она их прячет. Но и со спрятанными глазами Альбина очень красивая женщина. Но... не моя.

– Не отвечаешь на звонки.

– Не отвечаю.

– Почему?

– Не хочу.

– Ну что ты как мальчишка обиделся?

– Нет. Это ты всё время хочешь увидеть во мне мальчишку. А я не обиделся, Альбина. Я, как взрослый адекватный мужчина, разочаровался. Но твой выбор принял.

– Стеф, – взлетает её рука в попытке погладить мою скулу.

Выразительно отстраняюсь, вопросительно дёргая бровью.

– Пригласи меня домой, поговорим.

– Не хочу.

– А говоришь – не обиделся, выбор принял...

– Окей, я поясню. Скажи мне, Аля, много ты знаешь мужчин, которые, ни разу не трахнувшись с женщиной, сделают ей предложение?

– Не поняла... – сглатывает она.

– Да всё ты поняла. Я вот не знаю ни одного. Даже молодого идиота, а уж сорокапятилетнего – тем более. Нет, ну я могу там ещё понять – невеста-девственница и любовь невъёбённая. Но это же не ваш случай, правда?

– Стеф! На что ты намекаешь?

– Да я прямо говорю. Трахалась ты с ним параллельно со мной. И мне противно. Всё, что между нами было, мне теперь противно. И ты мне противна.

Её смуглая кожа, которая, как мне казалось, не краснеет никогда, густо покрывается румянцем.

– Теперь понятна моя дистанция?

– Степан, – поджимает она губы. – Я поняла. Ты остынешь, мы поговорим. Но... ты же пациентов бросил. Так нельзя.

– Тяжёлых и особенных у нас не было.

– Из Москвы к нам в отделение девочка твоя с дисплазией вернулась.

– Дай её родителям мой телефон. Всё?

В горле горит от неприязни к происходящему. А ещё – к себе. Потому что я-то, наивный идиот, проживал всё, что было между нами, искренне. И меня морально тошнит те-

перь от любого воспоминания или всплывающего эха своих чувств. Благо это не зашло так далеко, чтобы я совсем пропал в ней. И мои коротящие контакты удалось быстро разъединить. Но стягивает это всё просто пиздец!

Хотя... я рад, что выговорился. Словно выплюнул всю эту горечь. Бабы – они иногда самовыгодные суки. Надо просто смириться.

Иду к подъезду, чувствуя на спине её взгляд. Несколько раз с чувством посылаю её про себя. Пусть наслаждается теперь своим выбором и клиникой. А я лучше подрочу, блять, в одиночестве, чем пушу её ещё раз в свою постель.

Поднимаюсь на площадку. Сосед открывает дверь и выносит за шкурку моего рыжего кота. Вопли второго слышу из-за закрытой двери.

– Слушай, Стеф, – сердито. – Эта наглая морда...

– Это – Зидан, – аккуратно забираю за шкурку своего бандита.

– ... погрыз у меня на балконе всю рыбу.

Сосед – рыбак и часто вялит рыбу на балконе.

– Лёх, ну... кошка же, инстинкты. Извини. Хочешь, я тебе тунцом отдам?

Опускает взгляд на мой пакет.

– Здоровый...

– Давай я его приготовлю, а ты бери пиво и ко мне – футбол смотреть. Россия-Бельгия.

– А... – воодушевляется сосед. – Да не вопрос! Ша стогнаю...

Зидан недовольно перебирает лапами в воздухе, требуя его отпустить. Ставлю пакет на пол. Открываю замок. Брошаю этого рыжего гада на пол. Чёрно-белый Бэкхем настороженно обнюхивает Зидана. От того несёт рыбой.

– Ну вы чо, пацаны? – с претензией смотрю на котов. – Хорош по чужим балконам шариться!

Котяры, мурлыкая, трутся об мои ноги. Кто-то в снег зимой выкинул около подъезда ещё котятами. Вот пришлось забрать. Пристроить так и не удалось. Так и живём.

– Жрать хотите? Ладно... пойдёмте, морды наглые.

Пинаю их мячик с колокольчиком. Оба летят наперегонки, отбирают его друг у друга лапами. Футболисты, блин...

Глава 6 - День рождения

Длинное узкое платье, подаренное Борисом, сжимает бёдра так, что мне тяжело двигаться. Я семеню, как гейша на окобо!

Господи, скорей бы закончилось это мероприятие. Нет ничего хуже дней рождения детей партнёров Бориса. Новые туфли и туго собранные наверх волосы тоже не поднимают настроения. Но в этой среде принято улыбаться. И я улыбаюсь на автомате, равнодушно глядя в окно на капли дождя.

– Виктория...

Поворачиваюсь с дежурной улыбкой. Хозяйка дома Лика подхватывает меня под локоть.

– Пойдём, подали шампанское и устриц. Мы специально заказывали их с ближайшего рейса, чтобы были живые и свежие. На дне рождения у Даниэля Алле пришлось распорядиться их запечь. Их привезли замороженными! Уж лучше бы совсем не подавала... Разве можно на таком экономить? А эти ты обязательно должна попробовать.

– Лика, я равнодушна к устрицам.

Вернее, терпеть их не могу, и меня тошнит от мысли, что я должна есть ещё живого моллюска.

– Тори... – осудительно. – Никогда и никому не говори, что ты равнодушна к устрицам! Это моветон...

Протягивает мне бокал шампанского. Спасаясь от дегу-

станции устриц, беру во вторую руку канапешку с сыром и оливками.

Мужчины курят сигары на огромной веранде. Изредка доносится их сдержанный смех.

Та самая Алла, жена ещё одного партнёра, худощаая брюнетка с тёмно-бордовым маникюром, выскрёбывает в свой малиновый рот несчастную устрицу. Когда она глотает, я на мгновение чувствую себя этой устрицей. Меня передёргивает.

Ещё одна из женщин, совсем ещё молоденькая Дарья, стоящая чуть поодаль, запивает таблетку бокалом шампанского.

– Полгода уже не может забеременеть, – едва слышно бормочет мне Лика, во все тридцать два улыбаясь Дарье. – Думаю, если до зимы не сможет, Погодин решится на развод. Ему сорок... Уже неприлично без наследников. Подумают, что бесплодный он!

– Господи, да ей всего девятнадцать. Ей нужно просто набрать нормальный вес. С ума они сошли, что ли, какой развод?

– Я тебя умоляю, Тори, – закатывает глаза Лика. – Погодин обожает худобу. Если она наберёт нормальный вес, развод случится уже завтра! Думаю, Дарья забыла, когда нормально ела последний раз. Ест только зелень... ты заметила?

«Больные люди...» – вздыхаю я. Но я тоже часть их. И мне стыдно быть этой частью.

– Дашенька, что ты пьёшь? – ласково и лицемерно щебечет Лика.

– Мой психоаналитик прописал мне антидепрессанты... Я так устала от всего...

Мне хочется дать Даше подзатыльник, чтобы пришла в себя, смыла косметику, выплюнула антидепрессант, шампанское и просто поела. Поджав губы, я отворачиваюсь.

– Тори! – тут же ловит меня алая Алла. – Ты не собираешься этой осенью в Египет вместе с Борисом?

– Что мне там делать? Он будет круглосуточно на своих семинарах. А Илюшка не переносит самолёты...

– Найми няню, как я. Я полечу с мужем, отлично проведём с тобой время!

Её Даниэлю два с половиной. Как можно в два с половиной бросить ребёнка няне, чтобы хорошо провести время?

– Вряд ли у меня получится, – вежливо улыбаюсь я.

– Даша, ты такая худая! – с наигранным восхищением вздыхает Лика. – Просто модель!

Модель скелета? Да у неё скоро колени назад выгнутся. Как можно подпитывать её нездоровые диеты восхищением? Но здесь принято в лицо хвалить любую дичь, а осуждать и высмеивать шёпотом и за спиной.

Спасите меня кто-нибудь! Мне кажется, я тоже сейчас начну выделять яд и всех залью с дежурной улыбкой. Они заразные!!

Разворачиваюсь, чтобы сбежать в детскую. Но Илья уже

идёт навстречу мне с шариковым ружьём наперевес.

– Мам...

С ледяным взглядом Ли́ка натянуто улыбается.

– Что-то наше жертвоприношение сегодня не слишком старается... Всё время бегает.

«Жертвоприношение» – это детские аниматоры. Здесь принято называть это так. Взрослые не переносят, когда дети мешают им хорошо проводить время. И детям делают человеческое жертвоприношение в виде аниматоров. Терзайте, только не мешайте!

Присаживаюсь перед сыном, чтобы спрятать его от взгляда Ли́ки. Платье натягивается... и я чувствую, как немного лопается разрез. Боже...

– Мам, я хочу домой.

– Потерпи, детка, ладно? Поедем через час.

– Я туда не пойду.

– Почему?

– Там... один мальчик написал в шарики. Фу... А девочки говорят на Мальвину... – мнётся он и, решившись, наклоняется и шепчет мне на ухо: – «Шлюха...»

– О, Господи! – в этой аристократичной вакханалии остаётся только молиться. – Побудь со мной.

Беру его за руку, усаживая на кресло. Женщины недовольно поглядывают на меня. Мужчины возвращаются с веранды. Я присаживаюсь на подлокотник кресла, пряча свой надорванный разрез.

– Тори... ах... – с восторгом наклоняется к моей груди Алла. – Борис – щедрый мужчина! Это же бриллиант?

Машинально прикрываю подаренный на наш юбилей кулон, сжимая его в пальцах.

– Да, – киваю я.

– Шикарный «Ашер»! Сколько карат? Какой чистоты?

– Да я... не помню, если честно, – пожимаю плечами с улыбкой.

– Ой, лукавишь, – машет она мне своим длинным наманикюренным пальчиком, – кто же такое забудет? Я, скорее, имя мужа забуду! – смеётся она, жадно поглядывая на камень.

Разворачивается к подошедшему ближе Борису.

– Борис... – разводит руками. – Сразу видно – твои дела пошли в гору. Украшения жены выросли на пару карат!

Борис признательно улыбается ей... А он очень редко улыбается. Я уже и забыла, как он улыбается мне или Илюшке. И мне становится тошно. Не от ревности, нет. А вообще...

Илюшка, скучая, поднимает своё большое шариковое ружьё и, играясь, целится в шоколадный фонтан.

– Бах.... бах...

– Илюшка... не надо... – тихо прошу его.

– Мамочка... я хочу домой...

– Потерпи ещё немного.

Впереди у нас ещё одно нездоровое мероприятие!

– Аукцион! – словно услышав мои мысли, радостно объявляет Лика, хлопая в ладоши. – Наша Владочка нарисовала

для гостей три картины. Внимание! – игриво разворачивается она, указывая на детскую мазню на настоящих холстах и в дорогуших рамках. – Вот наши лоты: «Закат над Тегал Ванги»...

Красное пятно масляной краски над синей полосой.

– ... «Букет магнолий»...

Много розово-белых пятен над зелёным шаром.

– ... «Вечер у камина»...

Непередаваемая живописная смесь коричневого и красного!

– Среди нас есть профессиональный художник! Тори, милая, дай нам скорее рецензию!

– Это... – подыскиваю я слова. – Очень мило!

– Мне кажется, Владочка будет очень талантлива в экспрессионизме!

– Безусловно, – киваю я.

– Итак, разыгрываем первый лот. «Закат над Тегал Ванги». Стартовая цена – сто евро!

Уж лучше бы откровенно поставили кубышку и попросили собрать в неё денег. Но, к сожалению, ритуал проводится не ради денег, а ради того, чтобы потом хвастать, что картина отпрыска, нарисованная им в семь лет, была продана за несколько тысяч евро. Такая вот дичь...

– Двести! – взмахивает рукой Борис, открывая аукцион.

Другие мужчины поднимают ставки.

– Восемьсот... – снова поднимает Борис.

Отворачиваюсь, гляжу на Илюшку и про себя обещаю ему, что никогда больше не буду справлять его день рождения в кругу партнёров его отца. Любой кровью! Даже если мне придётся годами не разговаривать с Борисом. Не хочу, чтобы он смотрел на это всё.

Илья поднимает опять ствол ружья и...

– Илья! – тихо и сердито рывкает на него стоящий рядом отец.

Сын пугается, и его пальчики резко сокращаются, нажимая на курок. В ужасе смотрю, как огромный шар быстро летит в шоколадный фонтан!

Шлёп!!! Все лоты и платье Лики залито жидким шоколадом...

Все шокированно поворачиваются к нам!

Мамочка...

Глава 7 - Утопия

Мы с Илюшкой сидим в машине на заднем, он испуганно прячется под моей рукой, уткнувшись носом в грудь. Успокаивающе глажу...

Меня трясёт от предстоящего разноса, но я пытаюсь отыскать в себе броню, чтобы прикрыть хотя бы сына. Что он сделал страшного, в конце концов? Он просто... ребёнок!

Но мне давно кажется, что Борис никогда не был ребёнком сам, настолько ему чужды спонтанность и непосредственность.

– Папа будет ругать... – бормочет Илюшка.

Извинившись сто тысяч раз, взмокший Борис наконец-то садится в машину.

Тишина звенит.

Мы едем в этой тишине, как в кислоте. Я не смею её нарушить и просто обнимаю сына посильнее, чтобы перекрыть ему эту «кислоту».

Так же молча мы идём в дом.

Из сына будто вытекла вся энергия, он вялый, щёки горят. Беру его на руки.

– Поставь немедленно. Не поднимай тяжести.

Мне хочется сказать, что это не тяжесть, а мой испуганный ребёнок! Но ссориться при сыне не хочу.

Илюшка вжимается в меня крепче. Отрицательно кручу

головой.

Концентрация кислоты нарастает.

– Мамочка... животик болит...

Усаживаю его на пуфик в коридоре, разувая. У него бывает, если перенервничает.

– Я сделаю тебе чай с мятой и молоком.

– Перестань подпитывать его симуляции, Тори. Он просто пытается избежать наказания!

– Наказание для вас должно быть одинаковое. Вы в равной мере поучаствовали в трагедии. Ты его напугал!

– Не говори чушь! Илья, быстро в свою комнату.

У меня всё горит внутри от этой кислоты предстоящего наказания, порицания, отторжения. И мне страшно представить, что чувствует мой ребёнок.

Пока делаю чай, ощущаю солнечным сплетением, в котором поселилась тяжесть, что там что-то происходит. Быстро выплёскиваю чай в алюминиевую чашку, чтобы немного остудить, выливаю снова в кружку и спешу в детскую.

Илья беззащитно стоит посреди комнаты, теребя в руках своего уже старенького тряпчатого кота, словно пытаюсь прикрыться им. Я шила этого кота сама, когда была беременна. До сих пор без него не засыпает.

Борис нависает над ним.

По щекам сына текут слёзы.

– Не ожидал, что мой сын станет моим позором.

– Я не хотел... – не поднимая глаз, рвано вздыхает Илюш-

ка. – Прости, папочка.

– Мне жаль говорить это, но ты меня разочаровал. И, конечно, ты будешь наказан. Ты должен быть более ответственным и серьёзным. Думаю, лишить тебя сладкого и игрушек на неделю будет полезно... для осознания правил поведения в приличном обществе.

– Это нечестно... – рыдает сын. – Все вели себя плохо. Их никто не ругал. А я нечаянно.

– Мне плевать на «всех»! Мой сын должен вести себя достойно! Дай сюда эту тряпку, – требует он кота.

– Это Сплюшка... – делает шаг назад сын. – Его нельзя. В нём хорошие сны.

– Это не тебе решать. Дай сюда!

Выдёргивает из рук.

Сын взрывается слезами.

– Веди себя как мужчина, не смей рыдать из-за пустяков!

– Отдай! – тянет руки Илья.

С грохотом ставлю кружку на стол. Меня трясёт. Но у нас в семье не принято противоречить друг другу при ребёнке. «Родители должны выступать единым фронтом». Впрочем, это правило работает только в одну сторону. Не смею противоречить только лишь я. А Борис постоянно позволяет себе любые поправки в мои решения и правила.

– Борис... – выразительно одёргиваю его. – Отдай ему Сплюшку.

– Выйди, Тори. Это мой сын. И я не позволю ему вырасти

никчёмным клоуном.

– Это и мой сын! И я не позволю делать из него невротика. Отдай игрушку!

Борис рассерженно разворачивается. Пусть лучше направит свою кислоту на меня. Я переживу!

– Выйди! – рывкает он.

– Не надо мамочку... ругать! – обнимает меня за бедро рыдающий сын.

Отодрав его от меня, Борис подхватывает меня за локоть и молча вытаскивает за дверь детской.

– Не мешай нам разговаривать.

Дверь перед моим носом захлопывается.

У меня все трясётся внутри. Должен же быть способ остановить это всё?? Но я совершенно не умею скандалить и конфликтовать! Я очень болею после этого.

Растерянно оглядываюсь, слыша рыдания сына и то, как тихо продолжает выговаривать ему Борис. Но не кидаться же на мужа при ребёнке. Меня перекрывает от возмущения и беспомощности. И я сама начинаю плакать. Мне тоже хочется сказать, как Илюшка: «Нечестно!» Я была морально готова на игнор. Но не на это!

И, не найдя ничего лучше, чтобы отвлечь его от ребёнка, снимаю с крючка в прихожей большую стальную ложку для обуви. И, размахнувшись как клюшкой от гольфа, бью в наше огромное зеркало. Грохот, звон... Я зажмуриваюсь. Быстро вешаю её на место, стоя в грудe осколков.

Борис выходит из комнаты, обескураженно оглядывает коридор.

– Как это произошло?

– Не знаю... – тяжело дышу я. – Оно просто лопнуло.

– Ты ранена?

– Не знаю...

– Мамочка... – выглядывает Илья.

– Всё хорошо, пирожок, зеркало разбилось. Попей чай и ложись.

– Тебе не больно? – волнуясь.

– Нет! – немного натянуто улыбаюсь я.

– Не двигайся, я помогу сейчас! – отмирает Борис.

Бросив в угол Сплюшку, уходит за щёткой и совком. Выразительно киваю сыну на игрушку. Подхватывает с пола и убегает в детскую.

Борис аккуратно считает осколки. Протирает пухлик, усаживает меня, внимательно разглядывает ступни.

– Не надо вмешиваться в наши разговоры, Тори. Я его не бил, не орал на него, не унижал, не запугивал. Это нормальный воспитательный процесс. Кто ещё объяснит ему, как правильно вести себя в обществе?

– Ты наказал его!

– И это тоже нормально.

– За что, Борь?

– Борис... – поправляет он. – Мне очень жаль, что ты не понимаешь, «за что». Он опозорил нас.

– Случайным выстрелом игрушки?

– Какая разница, чем? Он должен уже понимать, как вести себя при взрослых. Всё... Ты цела. Иди в душ и поторопись, сегодня вторник. А у меня ещё тренинг в одиннадцать.

Вода льётся сверху, я просто стою, позволяя ей смывать с себя сегодняшнюю катастрофу. Тоска и возмущение во мне нарастают с новой силой. Чёртов вторник...

Откладываю лосьон в сторону. Всё равно никто ко мне не прикасается... От обиды кусаю губы. Волосы оборачиваю полотенцем, надеваю пеньюар. Захожу в комнату и останавливаюсь перед кроватью.

– Ты готова? Я в душ, сейчас приду.

«Нет, я не готова!» – хочется проорать ему вслед. Так и стою возле нашей огромной кровати, когда он возвращается.

– Давай только без истерик сегодня, мне необходимо снять стресс. Тем более что мы пропустили пятницу. Ложись.

Не глядя на меня, листает что-то в телефоне.

– А если я не хочу?

– Достань смазку, – не отрываясь от телефона.

Что-то во мне лопається в очередной раз.

– Нет. Я отменяю вторники и пятницы.

– Ты хочешь изменить график?

– Я хочу его отменить.

– И как ты себе это представляешь? – скептически и раздражённо ведёт бровью, отрываясь от экрана.

– Если ты делаешь так, что я хочу тебя, секс будет. Если не делаешь – не будет.

– Это утопия. Секс не зря называют супружескими обязанностями. Не догадываешься, почему?

– Не у всех так!!! – взрывает меня.

– Но у нас с тобой так.

От этой логики я безнадежно закрываю глаза и начинаю плакать.

– Тори, – обнимает он меня за плечи. – Дорогая... Ты выдумала то, чего не существует. И страдаешь теперь от отсутствия этого. И заставляешь страдать меня! Столько лет у нас было всё хорошо...

– Плохо! Женского оргазма не существует?!

– Существует... Но он не стоит того, чтобы рушить всё, что есть между нами.

– Но ты же можешь просто попробовать сделать мне приятно.

– Если ты так чувствуешь... коитус... то здесь ничего нельзя поделать, Тори. Это либо нравится, либо нет. А создавать культ из естественной потребности я не готов. Но это потребность, и её надо справлять. И как жена ты...

– Проблема во мне?! – в шоке смотрю на него.

– Нет, возможно, не только. Но я таков, каков есть. И другим не буду. А терять всё, что я даю тебе... Поверь, это двухсекундное удовольствие не стоит того, чтобы это всё потерять!

– Откуда мне знать?! – рявкаю я зло.

– Хм... действительно. Я подумаю об этом.

– Подумай!

Подхватываю свою подушку и отправляюсь спать к сыну.

– То-ри! – гневно.

– Я сказала – НЕТ.

Глава 8 - Таблетка

Губы – как спелые ягоды виктории... Веду пальцем по нижней. Сминается, оголяя ровный ряд жемчужных зубов. Задыхаясь от возбуждения, прикусываю сочную «ягодку», лаская пленённую мякоть языком. Не прокусить бы! Тело наливается тестостероном. Пальцы рефлекторно сжимают одеяло. Меня тянет и крутит от возбуждения. Пытаюсь углубить поцелуй, но перестаю чувствовать эти сладкие губы. Только слышу, как она мурлыкает... урчит... и втыкается мокрым носом мне в ухо...

– А-а-ай... Зидан, зараза! – отталкиваю рыжую морду. – Такой сон обломал!

Переворачиваюсь на живот, практически вспарывая сто-
яком диван. Страдальчески мычу в подушку. Ну не решает
проблему просто подрочить! Нужен запах, упругость тела,
гормоны-феромоны... чтобы эта ненасытная скотина немно-
го расслабилась.

Это всё эта мадам с фотографии... Нечего было облизы-
ваться на неё перед сном!

Дотягиваюсь до полки и снова разглядываю фото. Прово-
жу пальцем по её лицу ещё раз. В сотый уже раз. Скоро фот-
ку сотру.

Ладно тебе, Стеф, что ты, баб красивых не трахал?
Она не баба...

Но сегодня ж ты её трахнешь?

Чёрт... Нет! Ты же мне не позволишь, правда, красивая девочка?

Дотягиваюсь до телефона. Там адрес и время в сообщении мессенджера.

Ильницкий Борис.

Ой, не понять мне тебя, мужик!

Может, он какой болезный?.. Непохоже. Да и пальцами, как заказано, он её и сам трахнуть может. Все на месте.

Телефон на тумбочке дрожит и начинает ползти по поверхности от вибрации будильника.
 Бекхэм со своим обычным аристократичным выражением морды с любопытством подталкивает его лапой к краю.

– Эй! – дёргаюсь я, успевая перехватить и спасти от падения. – Вредители! Бесите меня с утра...

Включаю звук. Три пропущенных от Альбины.

Вот прямо все бесите. Нахрена ты звонишь?

Гадливое ощущение предательства возвращается. А мне казалось, я только его выплюнул.

Но в руке у меня «таблетка», которая эффективно отвлекает.

А глаза-то какие у неё. И взгляд... И глубокий, и одновременно наивный.

«Чистая девочка»...

Верю.

«Таблетка» помогает от Альбины, но обостряет эрекцию.

Идеальных лекарств не бывает! Везде побочка...

Коты, обгоняя друг друга, летят вперёд меня, пытаюсь заманить в кухню. Но я сворачиваю в душ. По-любому я более голодный!

Упираясь рукой в стену душевой кабины, включаю музыку и тропический дождь. Зубная паста, слетев под водой со щётки, плюхается мне на головку, обжигая слизистую ментолом.

– Оу, фак!..

Смываю пальцами с подрагивающей от возбуждения головки пасту, но она только размазывается сильнее. Глаза закрываются от остроты ощущений. И только собираюсь расслабиться, поизвращавшись в своих фантазиях с новой пациенткой, как телефон снова начинает звонить.

Выглядываю из душевой. Пододвигаю ближе телефон, лежащий на стиральной машинке.
Пропущенный от Синицина и смска: «Стеф, подъезд пораньше, здесь пациент с острой болью».

АААА!!! Ну пиздец тебе сегодня, моя «виктория», сорвусь и загрызу! И член в тебя засуну! Да!

Rrrrrr...

Быстро покормив свою банду вчерашним тунцом, натягиваю на сырое тело одежду. Пинаю снова их мячик подальше, чтобы не щемили любопытные морды в дверной проём и, пока кубарем летят за ним, выхожу.

И тут новый сюрприз незадавшегося утра! Нос к носу с

моей тачкой машина Тихорецкого и он собственной персональной.

Я был у него в интернатуре. Бездарный врач, но хороший менеджер. Чаще всего так и бывает, да.

Иду к своей машине, меня окутывает адреналином. Как самцу, мне хочется втащить ему. Все знали, что мы с Альбиной любовники. И он знал – не идиот же. И не обломался залезть в мою постель.

Но, блять... Имеет право, если женщина не против. Все вопросы к ней, не к нему. И всё-таки кулаки мои сжимаются и зудят.

Узкоплечий, немного оплывший, с большими залысинами. Приторно пахнущий каким-то сладковатым унисексом. Кривит свой капризный рот.

Не сработались мы с ним сразу. Но по работе Альбина всегда стояла между нами, помогая мне избегать прямых контактов.

– Утро доброе... Державин.

Он смотрит на меня с холодным презрением и ревностью. Пытаясь спрятать это за напускным равнодушием и деловитостью.

– Доброе, – так же прохладно отвечаю я. – Чем обязан?

– У меня к тебе предложение.

– Не много ли предложений, Валерий Петрович, на наше отделение? – срывает мне тормоза.

Его ноздри агрессивно вздрагивают.

– Я хочу предложить тебе стажировку в Китае. На год. По гранту.

– Хм...

Как щедро. Из двадцати претендентов выбрать того, кто в неоплачиваемом отпуске и трахал твою будущую жену?

– А что взамен?

– Ты останешься там. Года на три-четыре.

И получу волчий билет на практику в России во все приличные клиники за нарушение контракта по гранту? Круто!

Я зло ухмыляюсь.

– Неинтересно. Предложи следующему...

«...её любовнику» проглатываю я, но он читает по взгляду.

– Слушай сюда, Державин... – слетает с него маска невозмутимости.

Хватает меня своей клешней за футболку. Мой кулак машинально сжимается. Отталкиваю его в плечо.

– Я тебя, сучонка, по статье уволю, если ты по-хорошему не понимаешь! Я же всё знаю про вас...

– Что ж ты такой нервный, Тихорецкий? Вроде от меня к тебе она ушла, не наоборот. Да и ты в нашу постель залез, не я в вашу. Или всё-таки не идиот и понимаешь, «что, как и почему»?

Пространство между нами взрывается животными инстинктами. Совершенно неожиданно славливаю подачу в скулу, и рефлекторно и слепо вколачиваю кулак ему в лицо в ответ. Делаю пару шагов назад, чтобы остыть и остановить

эту бессмысленную и глупую сцепку.

– Нахуй она мне теперь не нужна. Можешь землю рогами не копать, Тихорецкий.

– Ты же мне нос сломал, кретин!

– До свадьбы заживёт! – хмыкаю я цинично.

– У меня же конференция!

– А нехуй кидаться рогами на грейдер.

– Рога-то у тебя, Державин, – мстительно.

– По всем канонам должны быть. Но что-то пошло не так, да? Иначе бы ты не суетился.

Смотрю на часы. Чёрт! Пациент же.

Оборвав этот разговор, сажусь в тачку. Выезжаю на дорогу, набирая Альбину.

– Стеф... доброе утро. Спасибо, что перезвонил.

– Я не перезвонил. Уйми своего оленя, ясно?

Скидываю.

На ресепшене меня встречает Зоя.

– Я в кабинет к Вам отправила.

– Правильно. Халат...

Подает мне выглаженный короткий халат и сложенные форменные брюки.

– Степан Дмитриевич... – шепчет она, – на скуле... ммм... ссадина... Где же Вы так?

– Твою мать. Мирамистин мне занеси, и пластырь. Пожалуйста.

Иду по коридору в кабинет, Зоя семенит рядом, зачитываю.

вая мне жалобы пациента.

– Понял, – открываю дверь кабинета, – и никого не запи-
сывай после четырёх. У меня вызов.

– На дом?

– По всей видимости – да.

Чем ближе к четырём, тем сильнее у меня мандраж. Како-
го я согласился на это? Я то хватаюсь за телефон, собираясь
позвонить ему и отказаться, то наоборот, пускаю как пацан
слюни от предвкушения, что... что? Ведь я же не собираюсь?
Я просто сделаю массаж, да?

Ловлю своё отражение в зеркале. Как гопник с разбитым
лицом!

Ха... Понравиться ей хочешь?

А вот хочу!

Замужняя дама...

Всё равно хочу. Без всяких продолжений. Хочу словить те
самые гормоны-феромоны, услышать, какой у неё голос, как
она разговаривает, посмотреть, как двигается, ощутить за-
пах... Зарядиться от этой сногшибательной батареей. Ме-
ня выкачали до нуля... А источники попроще типа Зои не
срабатывают.

И в четыре, быстро ополоснувшись в душе и переодев-
шись в футболку и джинсы, я закрываю кабинет и отдаю клю-
чи на ресепшен.

– Стеф...

Разворачиваюсь.

– Что?

Но на ресепшне звонит телефон, и Зоя берёт трубку, отрицательно качая головой. Будет что-то срочное – позвонит.

Ильницкие живут в элитном коттеджном посёлке американского типа – невысокие заборчики, обширные газоны, одинаковые, как под копирку, дома, отличающиеся только количеством цветов у входных дверей, формой бассейнов и стоящими на парковках тачками. Пару раз был здесь. Родители моих маленьких пациентов просили приехать на дом. На входе охрана. Называю адрес и фамилию. Пропускают.

Пустые, чистые, но словно немного выхолащенные улочки. Небольшой супермаркет. Пара подростков на скейтах навстречу. Рассекают прямо по проезжей части. Скидываю скорость, останавливаясь у нужного дома.

Тру ноющую скулу и телесного цвета пластырь отваливается. Да и чёрт с ним.

Забираю рюкзак с заднего сиденья и жму на кнопку звонка входной двери. Потрясывает от предвкушения так, как будто я в первый раз иду в гости к едва знакомой девушке и знаю уже, что трахну её.

Собственно, направление в меде я выбрал именно из этой логики, когда,

впечатлившись профессиональным массажем, совсем потерял башню от возбуждения и прямо на сеансе отымел массажистку. Тогда мне показалось, что это прекрасный навык для молодого и всегда голодного до секса парня. И я с удо-

вольствием практиковал его на однокурсниках, стремясь к совершенству! А потом увлекло профессионально. Но слава о моих пальцах в определённых кругах до сих пор осталась специфическая... И, возможно, именно благодаря ей я здесь!

Дверь открывается автоматически. Иду между двумя зонами к дому.

Сердцебиение ускоряется...

Входная приоткрыта.

Стукнув пару раз, захожу внутрь.

Она...

В тонком шёлковом халате в пол. Пояс, затянутый на тонкой талии, подчёркивает роскошную грудь. Волосы небрежно собраны наверх. Несколько светлых прядей спускаются вниз по точёной шее. Нервно наматывает на пальчик одну из них, с кем-то разговаривая по телефону.

– Минуточку... – хмурясь, шепчет она.

Напряжена и заметно расстроена. Практически до слёз.

– Борис... нет. Я не соглашалась... нет... Я не хочу массаж!
– срывается её голос на дрожание.

Смотрит на меня с извинением. Отводит от лица телефон.

– Простите, – с сожалением пожимает плечами. – Но... Я Вам оплачу вызов!

По специфической мимике и слишком напряжённым плечам я вижу, что у неё гипертонус некоторых мышц. Касается пальчиками виска и массирует, морщась.

Мхм...

– У Вас голова болит, да?

– Да... – растерянно касается снова головы, тут же отдёргивая пальцы.

Скидываю рюкзак на диванчик.

– Раз уж приехал, давайте хоть избавлю Вас от мигрени.

– Да?.. – поднимаются удивлённо её брови. – Вы умеете?

– Нужно поправить шею и проработать пару точек.

– А я уже три таблетки выпила...

– Таблетки не помогут. А я могу. Можно Вашу кисть?.. – протягиваю ей руку.

Глава 9 - Так и должно быть?

Борис с Илюшкой полчаса как уехали на дурацкий хоккей. И я наконец-то одна дома. Разминаю шею, пытаюсь расслабиться.

Постоянно чувствую психологический пресс от Бориса. Он молчит. Грудь моя сдавлена, словно корсетом, никак не вдохнуть полноценно. Живот всё время ноет. И такое ощущение, что меня придавило сверху бетонной плитой. Голова постоянно пытается вжаться в плечи! Их уже ломит от постоянного напряжения. И мигрень мучает меня вторые сутки.

Выпиваю очередную таблетку, прикладывая мокрую руку к виску. Хочется лечь и поплакать. Просто как-то снять этот стресс. Мама говорит – поплакать иногда помогает.
 Набираю её.

– Виктория... Дорогая... очень рада, что ты позвонила, – на своём официозном автомате.

– Мам! – раздражаюсь я.

– Что-то срочное? У меня гости.

– Да. У меня жуткая головная боль вторые сутки. Обезболивающее не помогает.

– Какие ты приняла?

Перечисляю.

– Это всё ерунда. Выпей бокал коньяка, детка. Сверху.

– Разве не вредно смешивать алкоголь и такие таблетки?

– Вредно. Оно всё и по отдельности очень вредно. Но здесь приходится выбирать, милая. Просто выбери, что важнее.

– Ясно...

С сомнением смотрю на початую бутылку Хеннесси в баре. Терпеть не могу крепкое. Мой максимум – пара бокалов шампанского. Но сейчас я готова выпить хоть спирт, чтобы эта пульсация в голове отпустила.

Ставлю пузатенький бокал. Мне кажется, целый – это перебор. И я наливаю чуть больше половины. Задерживая дыхание, давясь, залпом выпиваю эту гадость в несколько больших глотков.

– Ооо... мерзость...

Засовываю в рот кусочек засахаренного лайма. Запиваю стаканом воды. Горячая волна идёт по телу, колени становятся мягкие. Ставлю ладони на стол. Ещё одна долька лайма... Прислушиваюсь к боли. Стала чуть тупее. Но не особенно помогло. Во рту всё горит. Голова кружится.

Звонок во входную дверь. И в комнате трезвонит телефон. Добегаю сначала до него.

– Да?

– Тори, открой входную дверь. Внешнюю я открыл с телефона. У тебя гость...

– Какой ещё гость? – растерянно приоткрываю входную дверь, дохожу до зеркала, проверить, в порядке ли я.

– Массажист. Я хочу подарить тебе массаж.

В нашем доме не бывает мужчин. Никого, кроме моего отца, который бывал здесь пару раз. И когда этот высокий молодой мужчина заходит в наш дом, мне становится очень неловко.

Он не в костюме... Я отвыкла в своём окружении от мужчин, одетых так неформально. В нашем кругу джинсы – это табу.

Мужчина смотрит на меня так, словно я голая, а он слишком хорошо воспитан, чтобы открыто шокироваться этим фактом.

Отнекиваясь от этой странной идеи с массажем, ещё раз смотрю на себя в зеркало – не голая ли. Нет, не голая. Просто немного пьяная...

Борис давяще настаивает. Но может именно потому, что я пьяная, мне плевать.

– Я не хочу массаж!

Скидываю вызов. Идея, что посторонний мужчина будет прикасаться ко мне, скорее вызывает ступор и неловкость.

Он смотрит на меня теперь изучающе. Молодой такой... и рельефный, как... Аполлон! Бицепсы растягивают рукава футболки.

Оу... как неудобно-то вышло. Только зря человека сорвали.

– Простите! Но... я Вам оплачу вызов.

Висок опять взрывает тупой болью.

– У Вас голова болит, да?

Так запросто, открыто и тепло. Мне кажется, Борис не говорил так со мной никогда. Страшно вспомнить - даже в наш первый раз! Меня передёргивает от воспоминаний, и я растерянно смотрю на массажиста.

– Да...

Снимает с плеча небольшой эргономичный рюкзак.

– Раз уж приехал, давайте избавлю Вас от мигрени.

– Да?.. Вы умеете?

Бог послал мне ангела-спасителя?

Кивает.

– Нужно поправить шею и проработать пару точек.

– А я уже три таблетки выпила... – делюсь я с ним за чем-то.

Не хочется оскорбить его своей чопорностью.

– Таблетки не помогут. А я могу...

Ещё одна болевая волна...

Кому продать душу? Я согласна, чёрт возьми! Пусть попробует. Переживу я прикосновение к своей шее!

– Можно Вашу кисть?

Нерешительно протягиваю руку. Обхватывает её своими горячими ладонями. Держит. Смотрит мне в глаза. Голубоглазый... Хорошенький...

Я пьяная?..

– Что Вы делаете?

– Плохое кровообращение... Пальчики у Вас ледяные...

Начинает не спеша массировать мои пальцы.

Я стою, замерев и прислушиваясь к ощущениям от его горячих рук. От него пахнет «Эгоистом». Незаметно вдыхаю поглубже... Да, точно... Мой муж любит другие запахи. Спокойней и поинтеллигентней. А этот слишком дерзкий...

Прикрываю глаза и вдыхаю снова. Голова кружится.

– Это из-за спазма... Застой крови в шейно-плечевой зоне... Я это исправлю. Мы можем где-то присесть? – обводит он взглядом прихожую.

– О... конечно. Проходите.

Вытягиваю руку из плена его ладоней.

– Сюда, – показываю на гостиную.

– Мне нужно помыть руки.

– Тогда сначала сюда, – открываю дверь ванной.

Коньяк заставляет моё сердце истошно колотиться. Тело едва слушается.

Пока он в ванной, оглядываю гостиную. Что ему нужно? Кресло? Стул?

Вынимаю из волос шпильки, чтобы собрать их чуть потуже.

– Волосы лучше убрать... – близко за спиной проникновенным хриловатым голосом.

Вздрагиваю.

– Или я испачкаю их маслом.

Разворачиваюсь, опуская глаза на его руки. В руках масляный спрей.

– Это не страшно... – качаю я головой.

Пару раз нажимает на дозатор. Брызги масла летят ему на ладонь. Бросает спрей на диван. И, не отводя от меня своих бездонных голубых глаз, размазывает его по кистям. Словно под гипнозом смотрю на то, как двигаются его мощные красивые кисти. Вздутые выраженные вены обвивают их, уходя на крепкие предплечья. Пару раз сжав пальцы, с хрустом разминает их.

А руки у него ласковые... Не смотря на то, что такие мощные. Они обхватывают мою шею, одна ладонь скользит дальше, ниже затылка. Он разминает меня медленными, скользящими сжатиями. И я замираю, как котёнок, которого взяли за шкурку. От неожиданно приятных ощущений мои глаза закатываются. Зажмуриваюсь, закусываю губу, чтобы не стонать, как шлюшка от удовольствия, в руках постороннего человека.

– Лицо нужно расслабить... губы приоткрыть...

Пальцы продавливают какие-то неизвестные мне точки. Ладони сжимают меня крепче, фиксируя голову. Хруст! И я испуганно вскрикиваю от силы и яркости ощущений, не в силах различить, больно мне или приятно.

– Всё хорошо... Я не сделаю больно. Голова часто болит?

– Да.

– Вы пьёте оральные контрацептивы?

– Да.

– Их надо временно отменить. Возможно, это побочка.

– Мхм...

Борис точно не одобрит этой рекомендации! Презервативов в его мире не существует. При попытке надеть сразу пропадает эрекция...

– Вам нужен бассейн... и периодический массаж...

От его голоса и пальцев по телу идёт дрожь, и мурашки пляшут по затылку. Словно пытаюсь ими управлять, одна его кисть скользит именно туда. И пальцы выводят ошеломительно приятные рисунки. Ощущение сродни щекотке, только от него импульсивно сжимается всё между бёдер.

– Так полегче?..

Судорожно вдыхаю:

– М??

– Голова?

– Аа...

А я её где-то потеряла!

– Да, – запоздало отвечаю я. – Это всё?

Боги, в моём голосе сожаление! Я – позорище...

– Если Вы не против, я продолжу.

И, не дожидаясь ответа, скользящие пальцы сжимают мочки моих ушей, массируя и двигаясь по кромке вверх-вниз.

Боже мой... Пальцы на ногах поджимаются от удовольствия. Я даже не знала, что такие ощущения живут в моём теле! Мне страшно открывать глаза, чувствуя, как полыхает лицо.

Но это же просто лечебный массаж, да?

Перемещается мне за спину. Пальцы двигаются за уши. Спускаются по шее ниже. И он разводит в стороны ворот моего халата, тяжёлые ладони ложатся на плечи, и пальцы чуть болезненно вдавливаются в спину.

Взмахиваю руками, теряя равновесие от слишком острых для меня ощущений. Тело резко расслабляется.

Его кисть тут же оказывается на моём животе, крепко вжимая в мужское тело. Я громко, судорожно вдыхаю. Чувствую спиной, как бьётся его сердце. Мои трусики становятся мокрыми, и, кажется, бёдра тоже.

– Нужно присесть... – на ушко... хрипло, тихо.

Кровь стучит в виски, голова кружится, тело как гуттаперчевая кукла.

Он усаживает меня. Я чувствую его тело спиной. Это слишком! Где-то там глубоко я это осознаю. Но... ничего не могу сказать. Он же взялся помочь – и помогает... Голова моя больше не болит...

Пока пьяные, невнятные и противоречивые мысли несутся в моих мозгах, его смазанные маслом руки скользят по моей коже, с каждым движением всё сильнее сдвигая ткань халата по плечам вниз. Придерживаю его на груди.

Мои плечи тонут в его ладонях... И это так хорошо, что я сейчас зарыдаю... Он отыскивает какие-то пронзительные точки...

И я ловлю себя на том, что прогибаюсь, подставляя ему

шею для поцелуя. Мне кажется, если он случится сейчас, я умру от удовольствия.

Как же давно меня не целовали в шею... Только в самом начале... когда мы только начали встречаться с мужем.

Не хочу о нём думать!

Но, слава Богу, поцелуя в шею не случается. Потому что, если бы он произошёл, мне срочно пришлось бы прогнать эти ласковые умелые руки... А я не хочу.

Отпускает меня. Встаёт...

Всё???

Но второй раз я не осмеливаюсь задать этот вопрос вслух. И мы просто смотрим друг другу в глаза. Слишком долго. Слишком слишком! И он садится напротив меня, покусывая губу. Ведёт плечами, разминая их.

– Как Вас зовут?

– Виктория... – наблюдаю за ним, как кролик за удавом.

Улыбается, опуская взгляд. На щеках ямочки... Это немного расслабляет и обезоруживает.

– А Вас?

– Стеф.

– Стеф...

– Мне нужны Ваши стопы, – белые зубы скользят по губе, он облизывает её, – Виктория.

Я залипаю взглядом на этих губах. Мои непослушные глаза неконтролируемо скользят ниже на крепкую шею и выступающие под футболкой грудные мышцы. Что он просит?..

Пусть забирает всё! Только ещё немного его рук на моём теле... Стопы?

– Зачем?

– Мм... это акупунктурная зона. Нужно проработать.

Ах, да... это же массаж. Просто массаж!

Опираясь на спинку углового дивана, я нерешительно протягиваю ему ступни. Когда они оказываются в его умелых руках, не сдержав стона, закрываю глаза, уплывая в восхитительные ощущения.

Масло, пальцы, ладони...

Скольжение, теплота, давление...

От каждого его прикосновения внутри моего живота выстрелы. Как от полёта вниз на качелях... Сердце колотится...

Подхватив за щиколотку, он тянет меня на себя. Я с тихим писком съезжаю со спинки дивана на его горизонтальную поверхность. Распахиваю глаза...

– Всё хорошо... Позвоночник должен быть прямой...

Он ставит ступню себе на бедро, принимаясь за вторую.

Ох, мамочка...

Мои колени после изменения позы согнуты, и шёлк халата скользит, оголяя их. Прижимаю ткань к бёдрам.

Вдавливается в какую-то точку под пяткой. Со стоном выгибаюсь, совершенно позабыв про то, что полы моего халата распахнуты. Это надо остановить! Прямо сейчас...

Но я чувствую, как он сжимает и массирует мои пальцы. В голове звенит, я перестаю соображать. По затылку мураш-

ки... Тело больше не слушается. Бёдра предательски дрожат. Между ног требовательно пульсирует. Гораздо сильнее, чем после моих эротических снов.

Мне кажется, даже запах в комнате меняется... Я чувствую только «Эгоиста», оттенённого тяжёлыми нотками незнакомого мужского запаха. Он окутывает, пронзает, забирает в плен...

– Всё хорошо... Нужно расслабиться...

Попробуй не подчиниться этому голосу и волшебным рукам!

Они скользят выше, ныряя мне под халат. Вскрикнув, приподнимаюсь на локтях. Моё лоно судорожно сжимается. Теряюсь от ощущений и происходящего.

Он что-то говорит, спокойно глядя мне в глаза.

– Что?

Растворяюсь в его взгляде, с ужасом понимая, что его ладонь давит мне на голый живот. Он подхватывает меня под колено.

– Это не больно...

Аккуратный рывок в сторону – и я чувствую тихий хруст в тазобедренном. Открываю шокированно рот. Он, управляя вторым моим коленом, делает ту же манипуляцию со вторым бедром.

Ах... массаж, да. Это нормально? Это так и должно быть?

Уже ничего не контролируя, я просто падаю на спину. Уплывая в ощущения и чувствуя, как его пальцы сдвигают-

ся ко мне на талию. Подтягивает ещё ближе мои дрожащие бёдра... оказываясь у меня между ног. Внутри живота словно надувается большой вибрирующий шар. Большие пальцы неожиданно вдавливаются в лобок, низко-низко... Тот самый шар взрывается! Меня прошивает судорогой удовольствия через всё тело, и немеет голова так, словно те самые мурашки, которыми он управлял, забрались под черепную коробку прямо в мозг! Я слепну... Тело встряхивает.

Господи!

Рывком присаживаюсь, влетая прямо в его объятья. Копна моих волос окутывает нас. Тяжело дыша, мы замираем губы в губы... Он медленно закрывает свои затуманенные от возбуждения глаза... И...

Глава 10 - Мальчик по вызову

Не понимаю, как это вышло...

Тонкий, тёплый запах её желания, поплывший взгляд и чутко отвечающее на каждое прикосновение тело вскружили голову. В какой-то момент я увлёкся, играя с её возбуждением, и собственное затопило меня до краёв, отключая голову и... руки сами скользнули ниже. И я... даже не прикоснулся ещё толком. Только вжал пальцы в точку на лобке, усиливающую ощущения при оргазме.

Но вот эта чувствительная девочка выгибается, содрогаюсь от удовольствия. От этого горячего зрелища я забываю, кто я, где я и зачем. Остаётся только она, мой невыносимо болезненно пульсирующий член и рефлекс...

Уплывая от оргазма, она шокированно влетает в мои руки, резко присев. Теряя контроль, подхватываю её за талию, не позволяя отстраниться. Её «спелые ягоды» так близко... И судорожное дыхание...

Пальцы машинально отыскивают чувствительную точку на шее по линии роста волос и вдавливаются туда. Вздвогнувшись, закрывает глаза. Ловлю её бесконтрольный стон губами, утекая от яркости ощущений.

Сладенькая... испуганная, растерявшаяся... как нечаянно растаявшее мороженое! И я хаваю это, да! Мне вставляет! Мне сейчас плевать на всё... Я утонул и захлебнулся в этой

эмоции!

Со стоном углубляю поцелуй, как во сне покусывая её губку и лаская языком. Она почти не отвечает, задыхаясь, и вцепляется в мои плечи. Мои пальцы вжимаются в нервные окончания. Они знают, что делать. Всё давно на уровне рефлексов. А я...

Я, блять, сейчас кончу прямо так! В голове нарастает гул, вжимаю её в себя, впиваясь в шею. Наслаждаюсь её тихими вскриками.

Иди ко мне, пожалуйста!

Тяну за бёдра ближе.

Я сдохну сейчас, если не войдут в тебя!

Мозги в нокаут...

Толчок в плечи, но я больше ничего не осознаю и едва ли ощущаю это... Тяну её трусики ниже... Да чёрт с ними, пусть будут... И просто смещаю тонкий, восхитительно мокрый насквозь перешеек этих трусиков вбок и вхожу в неё пальцами. За затылок прижимаю крепко к своим губам, слыша жалобное, возмущённое мычание.

Мне похуй сейчас...

Несколько рывков пальцами внутри горячего тела, и я снова чувствую её сладкие судороги, ловлю губами стоны. Коготки вспарывают мою кожу прямо через футболку.

– Я хочу тебя... – голос ломается от возбуждения.

Ловлю её пальцы, кладу на свою рвущуюся ширинку.

Вскрикивает, рефлекторно сжимая мой член, и тут же от-

дёргивает руку. Отрезвляющая пощёчина прямо по разбитой скуле. Громко вдыхаю от неожиданной боли, отстраняясь от неё.

Ошарашенно смотрю ей в глаза, ничего не соображая.

Её ресницы часто-часто порхают, глаза блестят, и лицо стыдливо покрывается румянцем. Беспомощно закрывает лицо руками.

– Уходите...

Растерянно смотрю на неё. Я же не хотел... Как меня так снесло?.. Нет, хотел, конечно, адски! Но не собирался!

– Вика...

Ищу слова, чтобы извиниться, и не могу найти. Потому что не хочу. Хочу целовать насильно, пока не оттаёт, пока не сдастся! И трогать её, пока не начнёт умолять о продолжении. Вколачиваться в неё, доводя до воплей и иступления...

– Я Вам не Вика! – отнимает от лица руки. – Убирайтесь! Расстроена и потеряна...

– Виктория... – сглатываю я.

А мне на самом деле нечего сказать. Я сжимаю её кисть, мне становится вдруг стрёмно и хреново, что она может почувствовать всю эту историю грязной.

И деньги ещё эти...

Какой-то пиздец.

Сжимаю её кисть крепче, потому что пытается вырваться.

– Да отпустите же! – подлетает с дивана. – Не смей ко мне прикасаться! Уходи немедленно... Сейчас муж мой придёт...

Он руки тебе оторвёт.

– И чем же тебе не угодили мои руки? – взрывает меня вдруг. – Ты наслаждалась сейчас ими, нет?

Слишком много во мне сейчас неслитого тестостерона, чтобы просто съехать с этой ситуации. Тоже подлетаю на ноги.

– Убирайся!

– Как скажешь! – вызывающе развожу руками. – Мавр сделал своё дело?.. – зло прищуриваюсь я. – Привет тогда мужу!

Вытаскиваю из кармана те бабки, что заплачены за массаж. Это же не финансовая история для меня. Не из-за них я согласился. Поэтому – логично вернуть! Кидаю на диван.

– Верните их ему, Виктория! Надеюсь, следующий массажист устроит Вас больше!

Ревность захлёстывает, и меня несёт. Я долбоёб... Другое сейчас надо говорить. Но меня вынес этот «муж». И сорвало!

– Что Вы себе?.. – возмущённо задыхается она. – Да как Вы... смеете?! Ты!!! – с яростью сжимая кулаки. – Мальчик по вызову!

– Я?!

Мои брови ползут вверх.

– Вон отсюда!

С колотящимся сердцем и ощущением, что накосячил дальше некуда, но с упрямым желанием всё доломать вхлам выхожу в прихожую. Обуваюсь.

– И масло своё заберите! – обиженно и показательно

брезгливо протягивает она.

– Дарю! У тебя же МУЖ! Пусть использует по назначению!

Из её глаз брызгают слёзы.

Вылетаю из дома.

«Ты debil, Державин, – ругаю себя на чём свет стоит. – Просто идиот! Истерил, как пацан! Понятна же её реакция. Ну почему ты никогда не можешь закрыть свой рот, а? Или говорить что-нибудь примирительное?»

Сажу в тачку напротив её дома, пытаюсь отдышаться.

«Ну и забей теперь!» – пытаюсь уговорить себя.

Изначально нехуй было за неё вписываться! Чужая же женщина! И потом укусячился по всем статьям! И ты же хотел, чтобы не позволила! А в итоге обиделся, как мальчишка! Вот теперь – реально как мальчишка!

Пойти извиниться?

Сука... Не могу.

Через какое-то время возле её дома притормаживает Кай-ен. Из тачки выходит муж.

Раздражённо впечатываю кулак в панель.

Открывает заднюю дверь. Оттуда выходит мальчик лет шести. Заплаканный?.. Вжимая голову в плечи, идёт до двери. Я вижу в нём черты Виктории. Сын?!.. А мне она показалась совсем ещё девчонкой!

Ильницкий открывает ему с брелока дверь. Мальчик заходит внутрь. Борис садится в тачку и уезжает.

При ребёнке объясняться нехорошо...

Поворачиваю ключ зажигания. И уезжаю отсюда с тяжёлым сердцем и бунтующим от голода телом.

Охуеть...

Глава 11 - Ужас!

Сжимаю в руках это чёртово масло. Ложусь плечом на косяк и стекаю вниз. Тело непослушное, как вата, между ног пульсирует...

Закрываю лицо руками.

Я вела себя как развязная девка... Если Борис узнает об этом... Я должна рассказать? Я не смогу...

И я ненавижу мужчин сейчас. Всех! Начиная с моего всегда равнодушного отца, заканчивая этим массажистом!

От воспоминания его рук тело сводит в сладострастных судорогах, и я снова слепну, как какая-то...

«Я хочу тебя...»

Это как дезориентирующий удар...

В этот момент меня окатило какой-то обезволивающей волной. Никогда раньше я ощущала так близко и ярко желание и возбуждение мужчины. Чистое, ничем не завуалированное. Текущее, как расплавленный металл, из его глаз внутрь меня. Оно меня смяло, обезоружило, отключило!

И мне парадоксально стыдно перед ним, что я оттолкнула это что-то сильное и искреннее.

Но ведь иначе и быть не могло!

И больше всех я ненавижу Бориса. За всю эту ситуацию, что он создал. Начиная с его равнодушия и холодности, заканчивая этим парнем, которого он подсунул мне! Его пол-

ную противоположность! У него даже не родилось ревности – отдать моё тело чужим рукам! Таким рукам!!! Пригласил к нам в дом постороннего! Оставил нас вдвоём!

Но дело же не в Борисе. Это я просто пытаюсь себя оправдать! Он просто подарил массаж, желая сделать приятное. А этот... Стеф! Наглец! Что он себе возомнил?! Вероятно, он привык к клиенткам, которые не против такого продолжения... Боже... Я же кончила... Я кончала в его руках, как... Ужас какой!

Я... изменила мужу??...

Растерянно захожу в гостиную. На диване рассыпавшиеся купюры. На автомате собираю их. Почему так много?

Пересчитываю. Может, Борис заказал мне курс массажа? Мне всё равно...

Смотрю на диван. Ощущения снова накатывает яркими вспышками. Со стоном сокращаюсь.

Мне надо срочно смыть это всё с себя. Я пахну сексом! Вся эта комната пахнет сексом и «Эгоистом». От этого запаха кружится голова... Не болит. Кружится! Открываю окно, чтобы проветрить и отдышаться. Прикасаюсь пальцами к губам, сминая их. И тут же отдёргиваю! Потому что мои пальцы явно пытаются воспроизвести этот головокружительный поцелуй. Он словно мой первый. От незнакомого вкуса его губ... Мужского... Не одинаково мятного, как всегда у Бориса... а... настоящего, живого... Тело опять бесконтрольно выгибается от накатывающих ощущений! Он же засунул в мой

рот язык!!! Борис никогда не делает так...

Провожу рукой по бедру. Вся скользкая и мокрая. Душ! Срочно!

Мне кажется, я никогда не смою с себя это всё... У меня на лбу будет написано! Что я падшая женщина, не контролирующая себя кошка, что я изменила своему мужу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.